

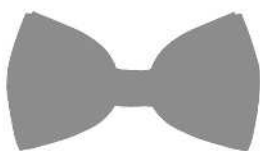
ПРОЗА

ИЛЬДАРА

АБУЗЯРОВА

ИЛЬДАР

АБУЗЯРОВ

КОНЦЕРТ ДЛЯ
СКРИПКИ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

И НОЖА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А17

Художественное оформление серии *С. Курбатова*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:
Artsoldat / Shutterstock.com и фотография: ALEXSTAND
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Абузяров, Ильдар.

А17 Концерт для скрипки и ножа в двух частях : сборник / Ильдар Абузяров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Справедливость, любовь, вера).

ISBN 978-5-699-95413-1

Сколько раз повторялась история Каина и Авеля? Сколько раз между двумя братьями вставала неподеленная и неразделенная любовь — к Богу, к музыке, к женщине? А если один из них чувствует мир и слышит его как непрекращающуюся симфонию, новые Каин и Абель особо трагично сыграют скрипичные партии своих жизней... Проза Ильдара Абузярова, по словам выдающегося русского писателя Виктора Шкловского, протирает «стекло жизни» и делает ее осознаваемой, яркой, ощущаемой. Но прежде всего проза Абузярова — о любви. Той любви, что долго терпит, все прощает, помогает обрести себя и помогает дышать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95413-1

© Абузяров И., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

КОНЦЕРТ ДЛЯ СКРИПКИ И НОЖА

В ДВУХ ЧАСТЯХ

ПОВЕСТЬ

Часть 1

АБРААМОВА СОНАТА

1

Каприсы Паганини, что может быть лучше: вот так сидеть и слушать день напролет двадцать четыре каприса Паганини, которые великий маэстро не смог исполнить и сам. Впрочем, в том нет ничего удивительного, разве вы иногда не задумываете вещь, к которой не в состоянии даже прикоснуться?

Мы приехали на ферму, что под Бохониками, впяттером: я, Стасик, Витек, Юнус (или Юся) и Венцеслав. Мы с Юсей солисты городской филармонии в Белостоке, а Стасик и Витош (или Витек) играют в столице, они многого добились, у Стасика и Витека редкий музыкальный талант. Венцеслав теперь большой человек, бизнесмен в нашем городке: торгует нотами и грампластинками. А еще содержит «Музыкальное кафе», хотя мы по-прежнему иногда зовем его Вецеком. Это он придумал собрать нас всех вместе, чтобы скинуться и принести в жертву корову на Курбан-байрам.

Когда-то, еще учась в Белостокской консерватории, мы составляли струнный квинтет. Витек играл

на виолончели, Стасик являлся первой, самой главной скрипкой. Я же всегда был вторым. Большой человек, как и положено, орудовал на контрабасе. А Юся на альте. Курбан-байрам — это праздник жертвоприношения. За этим мы и поехали на ферму по петливой дороге.

Приехали к вечеру, когда солнце уже начало умыться перед сном в той особой розовой закатной воде, от которой после минутного прозрения неминуемо тянет в сон. Приехали к вечеру, потому что долго спали и, как свойственно интеллигентам, долго собирались, подбирая шарфы и перчатки к пальто и плащам. Приехали на двух машинах: джипе Вецека и «Шкоде» Витека, чтобы в багажники убралось все мясо. Немного поплутали, поколесили, помесили белую снежную польскую грязь.

В конце концов мы добрались до этой чертовой фермы, но пани директора не оказалось на месте. Она, видите ли, полдничала.

— Полдничает, — развел руками Юнус. — Как в детском саду!

— Черт, как это подло с ее стороны! — выругался Стасик, он явно нервничал. Ведь это он был вдохновителем идеи жертвоприношения, хотя инициатором поездки выступил неутомимый и предприимчивый Вецек.

— Что это такое? — спросил меня Юся. Мы ожидали директора в большом, обложенном кафелем холле среди каких-то моторов и алюминиевых емкостей. Юся указывал на металлический резервуар, очень похожий на катер, только винт у него был не снаружи, а внутри.

Концерт для скрипки и ножа

— Здесь, наверно, мясо моют, — предположил флегматичный Юнус. — Или мелют.

— Да нет, посмотрите на шланги, — вмешался Вецец, — они ведут сюда, к весам.

Мы все подошли к весам, на которых было написано: «Минимальный вес 1500 кг. Максимальный вес 5000 кг».

— Давайте взвешиваться, — предложил Стасик и первым повис на весах. Но стрелка даже не двинулась.

— Тут же сказано: минимальный вес полторы тысячи килограммов, а ты такой хрупкий, ты скрипку-то еле держишь, — съязвил Вецец.

— А ты, — бросил в ответ Вецеку Стасик, — стал такой жирный, что тебе между ног не влезет даже моя скрипка.

— Полторы тонны — это же вес моей «Шкоды», — заметил Витош.

— А я понял! — вдруг выкрикнул Юнус. — Этот пропеллер сметану замешивает, а потом она по шлангам стекает!

— Не пропеллер, а винт, много ты знаешь! Сметану не замешивают, а давлением получают.

Стасик повисел еще немного на крюке весов. Затем он на них подергался, болтая ногами, а потом ему помог Юся. Вдвоем они шевельнули стрелку весов. Затем, когда они оба спрыгнули и отряхнули руки, мы, потеряв интерес, разбрелись по помещениям, думая каждый о своем. Но тут приехала пани директор.

А когда наконец приехала пани директор, аккуратный и пунктуальный Витек вынул из кармана

толстую пачку денег и отсчитал сто двадцать тысяч золотых. Мы стояли и смотрели, как наша двухмесячная зарплата утекает сквозь тонкие музыкальные пальцы в пухлые ладошки пани директора. Но нам абсолютно не было жаль денег, совсем наоборот, мы с презрением смотрели, как пани директор их тщательно пересчитывает.

— Всё правильно, — подытожила она, — сейчас я вам выпишу корову.

— И чек, — попросил педант Витош.

— А где ее можно будет резать? — предусмотрительно спросил разумный и молчаливый Юнус.

— Мой заместитель пан Михась вам покажет, — ответила пани директор. — Вот, держите накладную, товарно-кассовый чек.

Заместителем паном Михасем оказался невысокий мужчина средних лет и средней комплекции с мордой круглой, как у карася, и редкими, как у сома, белесыми усами. В общем, ничего особенного.

— Пойдемте, — сказал этот пан и зачем-то взял из нижнего ящика стола веревку. Ну подумаешь, веревка...

Мы пошли за паном Михасем по длинному коридору, свернули направо, затем налево и вдруг неожиданно для себя очутились в огромном хлеву.

Я раньше и не предполагал, что сотни, сотни коров могут находиться под одной крышей, словно пчелы в улье. Но больше всего меня поразили странный шум, которого я нигде, кроме как возле улья, больше не слышал, и резкий запах. С пяти лет

Концерт для скрипки и ножа

я занимался в музыкальной школе, и с пяти лет пан учитель привил мне страсть прислушиваться к различным звукам, даже к какофонии, но такого я не припомню.

— Ты слышишь? — спросил меня Стасик.

— Выбирайте, — предложил пан Михась, — любая на ваш выбор, чтоб потом претензий не было, будто мы вас обманули. Но только из этого ряда.

Мы со Стасиком растерянно переглянулись, а Витош даже не повел бровью, он был сосредоточен на чем-то другом, да и всегда меланхоличный Юнус тоже. Он зажимал нос пальцами так изящно, словно в руке у него был женский носовой платок.

— Да выбирайте же! — прикрикнул пан Михась. — Все коровы примерно по пятьсот килограмм. Больных, кажись, не имеется.

Я поглядел на нескончаемые ряды. Некоторые коровы стояли, но большинство полулежало-полусидело, отчего их и без того не худые бока выпирали в невидимую нам сторону.

Но никто не решался выбирать. Коровы были очень красивы: незабвенные своей яркостью пеструшки и стильные черно-белые, словно модели, сошедшие с модного глянца, — все как на подбор. Глаза разбегались от восторга. Вот если бы нас попросили выбирать самых красивых! В красоте мы понимаем толк. Стасик даже не выдержал и подошел к одной из пеструшек, заглядывая ей в бездонные карие глаза.

— Ну пока вы здесь выбираете, я еще чаю успею попить, — заметил пан Михась. — Пан Тадеуш, —

обратился он к незаметно подкрававшемуся сторожу, — поможете ребятам.

Так на месте пана Михася оказался сторож пан Тадеуш. Он и продолжил с нами возиться.

Пан Тадеуш был таким же маленьким и тощим, как Витек, — ему можно было доверять.

— А беременных тоже, надеюсь, нет? — поинтересовался, не пойму зачем, Витек у пана Тадеуша.

— Беременных нет, — утвердительно кивнул пан. — Кто же вам беременных-то отдаст? Беременные нам самим нужны!

— Нет, вы сами, пожалуйста, выбирайте, — попросил я, — мы вам доверяем.

— Тогда берите вон ту. — Пан Тадеуш указал на наострившую уши черно-белую корову. Уши у нее были белые, ноги тоже белые, это я заметил, когда опустил глаза... Зато вот глаза были черные-черные.

— Очень важно, чтобы телка была красивая, — шепнул мне Стасик. — Мы же ее не кому-нибудь, а самому Всевышнему в жертву. А эта разве красивая? — Он со скепсисом перевел взгляд на буренку.

— По-моему, очень красивая! — заступился я за притихшую тварь, мол, ничего-то ты, Стасик, в коровьих красотах не смыслишь.

— А мне больше по душе вон та рыженькая, — не унимался Стасик.

— Не важно! — взялся за дело Вецек. — Нам главное, чтобы она не больная была, не какая-нибудь там косоглазая или однорогая.

— И не беременная, — еще тише попросил Витек.

— И не сумасшедшая, — веско добавил Юся.

Концерт для скрипки и ножа

— Здесь нет сумасшедших! — отрезал пан Тадеуш. — Не то время сейчас. И беременных тоже нет. Держите крепче за рога. Я сейчас ее отвяжу... Ух, ты моя сладенькая колбаска!

Мы переглянулись, не зная, что делать.

— Да берите же, — прикрикнул на нас пан еще громче.

И тогда я трясущимися руками взял буренку за рога. Я поборол в себе страх и старался держать изо всех сил, но корова тоже изо всех сил старалась не поддаться мне. Вот тут-то я и увидел ее черные бездонно-грустные глаза, пока она не опустила голову и не уперлась рогами в кормушку. Силы были явно неравны. Рога оказались необычно твердыми.

— Вяжите, — протянул веревку пан Тадеуш.

Юся взял веревку и попытался обернуть ее вокруг шеи коровы. У него, наверно, возникло ощущение, что шея у коровы очень большая. А если бы он еще потрогал коровьи рога, то наверняка задумался бы, почему корова не оказывает нам почти никакого сопротивления.

И тут вдруг, вспомнив о своей силе, корова тряхнула головой, перескочила через бордюр и понеслась по узкому проходу фермы. Она бежала прямо на Вецека и Стасика, но те, не будь дураками, бросились врассыпную.

— Вы ее так никогда из хлева не выведете! — взбесился пан Михась. Он стоял у боковой дверцы с сушкой и кружкой чая. — А ну, Мария, помоги, что ли, им.

— Что скотину-то мучить? — крикнула пани Мария, имя которой мы только что услышали. — А ну,

давай, милая! — взяла она прут. — Давай, давай, родимая, давай, доча!

Эта доярка, с ее большим выменем и святым именем, походила на мать Божью, сошедшую на ферму прямо с полотен Рафаэля. Взяв прутик, она любя, нежно хлестнула корову по крупу. Затем еще раз. На минуту услышавшее родное, теплое звучание голоса, бедное животное остановилось, навострив уши. А затем, узнав своих хозяев, покорно двинулось к выходу. Хотя, возможно, корова почуяла крепкую руку женщины.

— Ну же, доченька, не упрямься, — продолжала зачем-то уговаривать телку доярка, — все равно не поможет. Не упрямься, Марусенька, тебе же только большее будет.

Марусенька. Так мы узнали имя телки. И ее имя показалось нам символичным.

— Ведите ее за хлева, с глаз долой, — взмолилась пани Мария, — да поскорее.

Голос ее надрывно дрожал. Витек схватил веревку. Пан Тадеуш открыл ворота, и мы вышли на улицу. И повели Марусеньку: Витош и Юнус впереди с веревкой, а мы втроем сзади, обреченно понуриив головы. Корова тоже двигалась как-то обреченно.

Но в какой-то момент, когда мы уже по обледенелой дорожке зашли за ферму, она встала намертво. Видимо, учуяв останки своих братьев и сестер, она обо всем догадалась своим коровьим умом. Своим огромным теплым сердцем она почуяла все намного раньше.

— Держи, держи веревку крепче, — прикрикнул пан Тадеуш, — а то опять убежит!

Но корова не собиралась никуда бежать. Наоборот, она вдруг уперлась всеми четырьмя бетонными опорами копыт, только пар изо рта.

Мы ее попытались сдвинуть, таща за привязь, пытались подтолкнуть в бок, старались заставить заскользить по льду. А когда поняли, что нам не под силу поставить упрямую телку на коньки и Юся бросил веревку, буренка вдруг со всей прыти рванула в сторону и, высоко поднимая задние копыта, поскакала в чистое поле за хлевом.

Мы все от неожиданности и от восхищения смелистостью и грацией животного не могли сдвинуться с места. Вскоре, увязнув в глубоком снегу, застыла и корова.

Пан Тадеуш с досады, мол, чего с нас взять, махнув рукой, развернулся и пошел к ферме. Словно во сне, мы наблюдали, как он уже с лопатой вышел из ворот, как по короткой тропке двинулся к наполовину утонувшей в снегу корове и как со всей силы треснул скотине лопатой по хребту.

Потеряв равновесие, буренка повалилась на бок и впервые за весь вечер жалобно замычала. По Биг-Бену было около пяти часов вечера.

— Ну? Кто из вас будет резать? — спросил пан Тадеуш.

— Ась? — переспросил Стасик.

— Кто резать будет, интересуюсь, — ухмыльнулся в усы пан Тадеуш.

— Юся обещал, — напомнил я всем собравшимся вокруг поваленной коровы.

— Я ничего никому не обещал, — сухо отказался Юся.